

Константин Станюкович

В далекие края

Константин Михайлович Станюкович
В далекие края
Серия ««Морские рассказы»»

Zmiy

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165783

*К.М.Станюкович. Собрание сочинений в 10 томах. Том 1.: Правда;
Москва; 1977*

Содержание

I	4
II	21
III	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Константин Михайлович Станюкович В ДАЛЕКИЕ КРАЯ

I

Когда я начал было составлять маршрут путешествия из Петербурга в страну золота и классического «Макара»¹, где по делам мне предстояло прожить довольно продолжительное время, я мог сообразить свою поездку лишь до Урала. Дальше всякие соображения относительно времени и способов передвижения прекращались, и я находился в таком же недоумении, в каком очутился бы, собираясь посетить неизведанные места Центральной Африки. Я, правда, знал, что по некоторым сибирским рекам, названия которых еще со школьной скамьи неизгладимо врезались в память, ходят пароходы, что в последнее время и экспортация преступных элементов совершается преимущественно летом, чтобы воспользоваться водяным путем, но когда, откуда и куда ходят пароходы, в какой срок совершают рейсы, что стоит переезд на них, – вот вопросы, в ответ на которые все отечественные

¹ ...в страну... классического «Макара»... – Имеется в виду русская поговорка: «Туда, куда Макар телят не гонял».

календари и путеводители позорно молчали, игнорируя сибирское пароходство.

Проникнуты ли наши Бедекеры ² убеждением, что в отдаленные места добровольных путешественников ездит слишком мало, и для них не стоит давать лишнюю страничку сведений (для невольных же туристов, которых, напротив, слишком много, существуют казенные путеводители), забывают ли они о Сибири по небрежности или просто по российской халатности, — не знаю. Но дело только в том, что несравненно легче с каким-нибудь иностранным курсбухом в руках составить точный расчет путешествия в Австралию, Китай, Калифорнию или на мыс Доброй Надежды, чем, находясь в столице империи, сообразить способы сообщения, время и стоимость экскурсии по ту сторону Уральского хребта. Месяц, полтора ли изнывать вам в дороге, где пользоваться водой, где почтовым трактом, можно ли на станциях достать какие-нибудь орудия передвижения, более гарантирующие целостность ваших внутренностей, чем перекладные, — все это было облечено для меня глубочайшею тайной.

Такою же, если еще не большею, романическою тайной окутаны и сибирские города с их 30^ю морозами и классическими «сибирскими» пожарами. И если вы, как предусмотрительный человек, пожелали бы узнать, хотя бы в общих чертах, чего вам ждать от того или другого города, есть ли

² *Карл Бедекер* — составитель путеводителей. Здесь это имя употреблено как нарицательное.

в нем, кроме присутственных мест, острога, рынка и клуба, еще и другие образчики цивилизации, – школы, гимназии, библиотеки, – то вы много потратите времени в надежде обрести нужные вам сведения.

Из суворинского календаря ³ вы можете лишь узнать число жителей в любом городе и, разумеется, неверное, так как сибирская статистика не только наука, но и дойная корова для собирателей сведений, как и полагается в дореформенных палестинах. Вдобавок не забудьте, что в Сибири в непрерывных «бегах» числится обыкновенно до сорока тысяч человек (опять-таки по сибирской статистике), и вы поймете, как трудно усчитать, в каких городах отдыхают отряды этой вечно «бегающей» армии. Мало извлечете вы, заглянув для очистки совести и в учебники географии. Они напомнят вам, пожалуй, время вашего детства, восстановят неясный образ Ермака, укажут количество церквей, но относительно бытовых подробностей проявят ту же скупость, какую проявлял и старик Ободовский ⁴. Из разных сибирских временников и памятных книжек, составляемых губернскими статистическими комитетами частью для собственного употребления, частью для надобностей местных казенных учреждений, можно бы, пожалуй, выудить более подробные, све-

³ *Суворинский календарь* – известный «Русский календарь», издававшийся с 1872 года А.С.Сувориным и содержащий разнообразные сведения исторического, географического и статистического характера.

⁴ *Ободовский, Александр Григорьевич* (1796–1852) – ученый-географ, педагог. Автор популярных учебников.

жие, а иногда и весьма любопытные сведения, но вы их найдете только по приезде в Сибирь, когда они явятся «горчицей после ужина», а в Петербурге, увы, вам не разыскать этих таинственных незнакомцев. Затем, в ученых путешествиях и исследованиях Сибири, у Кастрена, Палласа, Гумбольдта, Макка, Шапова, Ровинского, гг. Ядринцева и Потанина ⁵, в изданиях сибирского отдела географического общества ⁶, найдется, без сомнения, много любопытного, интересного и поучительного по всем отраслям знания, но, разумеется, в таких исследованиях и ученых монографиях не может быть

⁵ *Паллас, Петр-Симон* (1741–1811) – ученый-натуралист, автор «Путешествия по разным местам Российского государства», СПб., 1786. *Гумбольдт, Александр* (1769–1859) – естествоиспытатель и путешественник, автор классических трудов по географии Азии, в том числе «Путешествия барона Александра Гумбольдта, Эренберга и Розе в 1829 году по Сибири и к Каспийскому морю». СПб., 1837. *Макк (Маак), Ричард Карлович* (1825–1886) – географ и натуралист, исследователь Сибири и Дальнего Востока. *Шапов, Афанасий Прокопьевич* (1830–1876) – общественный деятель, историк, автор работ по истории сибирского старообрядчества. *Ровинский, Павел Аполлонович* (1831–1916) – путешественник и писатель. Его этнологические исследования о Сибири печатались в «Известиях Сибирского отдела русского географического общества» в 1870–1872 гг. *Ядринцев, Николай Михайлович* (1842–1894) – общественный деятель, публицист, путешественник, автор монографии «Сибирь как колония», СПб., 1882. *Потанин, Григорий Николаевич* (1835–1920) – путешественник и историк, автор известных «Материалов для истории Сибири».

⁶ ...в изданиях сибирского отдела географического общества... – Восточно-Сибирское отделение русского географического общества было учреждено в 1851 году, в 1877 году в Омске было открыто Западно-Сибирское отделение. Основные повременные издания: «Известия Сибирского отдела русского географического общества» и «Ежегодник» того же отдела.

тех бытовых описаний города и деревни, тех справочных, так сказать, сведений, которые именно-то и нужны обыкновенному смертному, чтобы ориентироваться на новом месте, не рискуя очутиться в положении Робинзона или щедринского генерала на необитаемом острове.⁷

К сожалению, у нас и вообще-то мало популярных толковых описаний путешествий. Что же касается знакомства с Сибирью, то разные интересующие вас бытовые подробности приходится искать в статьях, очерках, иногда весьма недурных, разбросанных по разным изданиям. Недурна в этом отношении книга г. Ядринцева *Сибирь как колония*. Она дает если и не полную, то, во всяком случае, довольно характерную общую картину сибирской жизни, хотя и смотрит на Сибирь и сибиряка с некоторым, понятным, впрочем, в авторе-сибиряке, пристрастием, особенно заметным, если сопоставить отзывы этой книги с отзывами, например, Щапова и Ровинского или Шашкова⁸. Довольно полно отражает эту будничную, так сказать, жизнь и сибирская местная печать⁹, исполняя свое многотрудное дело не без упорной энергии и с достоинством, несмотря на всяческие противо-

⁷ ...в положении... щедринского генерала на необитаемом острове. – Имеется в виду сказка М.Е.Салтыкова-Щедрина «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» (1869).

⁸ ...сопоставить... с отзывами... Шашкова. – Имеется в виду статья С.С.Шашкова «Сибирское общество в начале XIX века», напечатанная в 1879 году в журнале «Дело».

⁹ «Сибирь» – газета, выходившая в Иркутске с 1873 по 1887 год.

действия, хорошо известные особенно провинциальной печати. Я говорю о Сибири и о Сибирской Газете ¹⁰, двух старых органах местной жизни, сумевших поддержать значение печатного слова.

Прочитывая эти маленькие еженедельные листки, вы очень часто встретите в них любопытный материал по исследованию народной сибирской жизни и, наверное, познакомитесь (до известной, конечно, степени и в известных, разумеется, пределах) со многими особенностями и чудесами дореформенных порядков в «центрах» и в захолустьях этой классической страны маленьких местных сатрапчиков в образе разных заседателей и прочих полицейских цивилизаторов, исполняющих свою известную провиденциальную миссию, допотопных ярыжек ¹¹ старых судов ¹²; страны богатых и прогорающих золотопромышленников, бандитов легальных – разных кулаков местного произрастания и бан-

¹⁰ «Сибирская газета» – выходила в Томске с 1881 по 1888 год. Находясь в ссылке, Станюкович был одним из активных сотрудников газеты. С 1885 по 1888 год в ней печатались его очерки, фельетоны (например, «Торжество чумазого», Э 49, 1886; «Осажденный город», Э 47, 1886), сатирические стихотворения, обличительный роман «Не столь отдаленные места» (1886). Под псевдонимом «Старый холостяк» писатель опубликовал здесь цикл очерков «Сибирские картины».

¹¹ *Ярыжка* – низший чин служащего в приказе.

¹² Судебная реформа уже введена (Гласный суд – суд присяжных, введенный судебной реформой 1862–1864 гг. Назывался гласным между прочим и потому, что судебное разбирательство происходило в нем в присутствии публики.), как известно. (Прим. автора.)

дитов нелегальных – рыцарей острога и каторги, бродяг и всяких скитальцев из пришлого элемента; страны «жестокых» нравов купечества с выдающимися «сибирскими американцами», биографии которых, случается, так же темны, как темна сибирская тайга и как мрачен первоначальный источник богатств этих «вчерашних» ямщиков, ставших сегодня «уважаемыми» патрициями, с мундирами, приобретенными благотворительными пожертвованиями; страны исторических казнокрадов и расхитителей на «покое»; червонных тузов и валетов ¹³ не «у дел» и всякого рода артистов; страны, где и сибиряк-обыватель, и русский посельщик, и наивный бурят, и вымирающий остяк ¹⁴ или самоед ¹⁵ более чем где-либо чувствуют, что до господа бога действительно высоко, а какой-нибудь еле грамотный и вечно пьяный волостной писарь действительно близко.

Но подите, ищите в России сибирские газеты! Да если бы вы и знали об их существовании, то кому досуг и охота рыться в газетных листках?

Что же касается чисто справочных сведений о дороге и о разных местных условиях жизни, то их, как я сказал, нигде не найти, и вам предстоит пускаться в страну (для большин-

¹³ ...червонных тузов и валетов... – т.е. уголовных преступников.

¹⁴ *Остяк*. – Остяки – прежнее собирательное название нескольких народностей Сибири: хантов, кетов и др.

¹⁵ *Самоед* (устар.). – Самоеды – название ряда народностей северо-востока России и Сибири: ненцев, нганасан и др.

ства действительно неведомую), уподобляясь колумбовым спутникам, если вы, по русскому обыкновению, за неимением печатных путеводителей, не добудете себе какого-нибудь «сведущего» человека, который избавил бы вас хотя от некоторой тягости недоумений, сообщив о подробностях путешествия, как водится, более или менее неверные сведения, с обыною готовностью русского человека ввести в заблуждение ближнего самым искренним и добродушным образом.

Само собою разумеется, что я предполагаю возможность любознательности лишь относительно тех сибирских городов, которым можно дать такое название, хотя бы и с некоторою натяжкой. Я имею, конечно, в виду пять-шесть губернских центров, где действительно водится житель и где возможно предположить способы существования, хотя бы приблизительные к человеческому, а не разные Нарымы, Сергуты, Каински, Гижиги, Вилюйки, Турухански, Верхоянски (немало еще!), одни уж географические широты которых и самые их названия (не говоря о дурных слухах) отбивают всякую любознательность, по крайней мере, со стороны человека, предпочитающего культурные условия жизни первобытной и не влюбленного в тундры и ягоду морошку.

А между тем эти географически собачьи места и на картах, и в учебниках, и в воображении наивных людей фигурируют под громким названием городов и важно значатся в списке «населенных» мест в империи. А в таких «городах», случается, и всего-то «жителя» сотня – другая, считая в том

числе и команду казаков и случайного гостя, без которого немислимо, разумеется, ни одно «собачье место». И «житель», исполняя нехитрые функции жизни первобытного человека, ухитряется даже не всегда находиться в состоянии запоя, а гость не всегда сойти с ума от тоски и не гибнуть от лишений, как бы для доказательства, что из всех земных тварей человек есть самая терпеливая и живучая, могущая приспособиться даже к какому-нибудь Средне-Колымску (припомните: «Яна, Индигирка и Колыма»), в сравнении с которым сама знаменитая Пинега, как говорят, то же, что Париж перед Тотьмой или Боровичами.

«Сведущий» человек, к которому я обратился за справками, был человек почтенный, добросовестный, считавший себя знатоком края, но, на беду мою, коренной сибиряк, к тому же давно оставивший Сибирь, а многие сибиряки, как я не раз убеждался горьким опытом, немножко гасконцы ¹⁶, чуть дело идет об их родине. Питая к ней «род недуга» и отличаясь местным патриотизмом в очень значительной дозе, мой сибиряк был несколько расточителен на яркие краски, когда живописал красоты сибирской природы с ее тайгами и степями, рассказывал про «нетронутость» сибирского жителя (коренного, заметьте, жителя; к пришлым, «российским», сибиряк питает недоброжелательство) и с необыкновенною

¹⁶ *Гасконцы* – жители одной из провинций Франции, прославившиеся находчивостью, храбростью, склонностью к преувеличениям и хвастовству.

нежностью вспоминал о лепешках, шаньгах ¹⁷ и пирогах, о знаменитой сибирской нельме и «стружанине» (сырая замороженная рыба, которую сибиряки едят, настругивая тонкими стружками) с уксусом и луком.

Мрачная, безлюдная и холодная «страна Макара», какую представлялась она вам с детства, принимала в этих «сибирских» рассказах совсем иной вид – вид обаятельных, полных прелести палестин, не испорченных еще вконец изнанкой цивилизации и изобилующих всякою снедью. Если бы да только «реформы», которые сравнивали бы Сибирь с Россией, а не этот классический «провиденциальный» цивилизатор, не дающий сибиряку вздохнуть, не потребовавши мзды, да не пришлый «варнак», развращающий патриархального местного жителя, то хоть бы рай! И сибирский «кулак», по словам «сибирского гасконца», куда мягче русского, да и «кулаков»-то меньше. О сибирском мужике и говорить нечего, не чета русскому; он не так забит и живет куда богаче: земли вдоволь, и знает он говядину не по одним только великим праздникам, ну, словом, там, в этих привольных местах, «вообще» лучше.

Слушая все эти подчеркивания хороших сторон (дурные рассказчик-сибиряк смягчит по мере возможности), вы начинаете удивляться собственному невежеству. Думали, что Сибирь – Сибирь и есть, а выходит если и не совсем Аркадия

¹⁷ Шаньга (диал.) – род ватрушек или лепешек, смазанных маслом, сметаной, медом.

¹⁸ (едва ли в Аркадию ссылали бы преступников), то все-таки «весьма и весьма недурно», как выразился, вторя словам сибиряка, другой пропагандист этого края, знакомый правовед, один из тех ранних и милых молодых людей новейшей формации, которые, при случае, умеют с трогательной любовью уверить, что, «собственно говоря», и на Сахалине «весьма и весьма недурно».

Молодой человек, хотя сам и не бывал в «тех» местах, но имел случай по обязанностям службы («Ах, какая тяжелая служба!» – по обыкновению прибавил он, скромно опуская глаза) узнать о них основательно и может сказать, что против них сложилось совсем напрасное предубеждение. «Там» есть места превосходные, которые по климату не уступят хотя бы Швейцарии. Возьмите, например, Семиречье или местности подле Алтая. Хорошо и Забайкалье... Недурна и Томская губерния... Не совсем скверно и в Якутской области.

– Знаете ли, – прибавил он, вдохновляясь собственными словами, – я даже завидую вам, что дела заставляют вас оставить на некоторое время Петербург. Там, вдали от здешней сутолоки, на приволье, среди новых людей, в «ровном» климате, право, лучше! Охота, рыбная ловля какая! И наконец вам волей-неволей придется узнать настоящую жизнь, а не подделку ее, не ту, которую описывают нам, тенденциозно

¹⁸ *Аркадия* – традиционный образ страны райской невинности и патриархальной простоты нравов.

преувеличивая ее дурные стороны.

И, увлекаясь все более, молодой человек начал нахваливать те места даже по-французски и с такою убедительностью, что я осведомился: почему он сам не перейдет на службу в «те» места? К сожалению, он ведь не зависит от себя. Раз служить, надо «тянуть лямку», где придется... Он, так сказать, «раб обстоятельств», и наконец, прибавил он, «здесь он более полезен».

Ввиду таких приятных сообщений, я, признаться, позабыл многое, что читал и о чем слышал, и заранее восхищался перспективой приволья, ясного неба, постоянного солнца, хотя и при сильных морозах зимой, но зато почти нечувствительных при безветрии (все это сведущий человек вам обещает довольно авторитетно, так что вы и не ожидаете, что все это окажется порядочным враньем) и необыкновенно дешевой жизни. Когда мой словоохотливый сибиряк окончил описание свое «вообще», я стал допрашивать его, разумеется, детально.

Во-первых: как ехать, где сесть на пароход?

Оказалось, что от Екатеринбурга ¹⁹, связанного с Пермью железной дорогой, надо ехать до Тюмени на лошадях. Тарантас можно найти, проходная дорога – прелесть! Везут... но кто не знает, как по Сибири возят? Эти 300 верст будут приятным воспоминанием.

Читатель впоследствии узнает, какое «приятное» воспо-

¹⁹ *Екатеринбург* – ныне г.Свердловск (с 1924 года).

минание оставили эти триста верст адской дороги, а пока приходилось только радоваться ожидающей прелести и узнать затем, что из Тюмени вы садитесь на пароход и по Таре, Тоболу, Иртышу, Оби и Томи плывете дней десять до Томска. Оттуда опять на лошадях на прииски, куда мне приходилось ехать, оставив семью в Томске.

К сожалению, мой живой путеводитель не мог сообщить, когда ходят пароходы и что стоит переезд, и посоветовал справиться об этом в Нижнем. Там, разумеется, известно. Зато очень хвалил сибирские пароходы, обещал много красивых видов и соблазнял знакомством с нельмой.

– А каков, например, город Томск?

– Превосходный. Лучший город Сибири, так сказать сибирская Москва. Вы там найдете все условия цивилизованной и притом дешевой жизни... Говядина лучшая шесть копеек... Стерлядь, осетрина, нельма дешевы... Дичь ни по чем... Ягод изобилие...

– А учебные заведения?

– Две мужские гимназии: классическая и реальная; женская гимназия, несколько школ... Скоро вот университет будет... Хорошая библиотека и книжный магазин... Театр. Недурные гостиницы...

– А как мне быть с мебелью? Не везти же ее с собой... Можно ли там найти какую-нибудь простую мебель?

В ответ презрительная усмешка.

– Что угодно найдете...

– Быть может, дорого?

– Всякая есть: и дорогая и дешевая, – успокаивает вас сведущий человек.

Но вы сделаете большой промах, если поверите, так как убедитесь горьким опытом, что в «сибирской Москве» нет ни одного мебельного магазина, и вам придется ожидать «случая», чтобы приобрести хотя письменный стол или же купить разный хлам на базаре, этом главном, общеизвестном месте Томска.

Точно такие же утешительные сведения вы получаете в ответ на вопрос о квартире. Оказывается, что квартиры очень дешевы.

– Да вот я вам скажу: за пятнадцать рублей в месяц я нанимал целый дом в шесть комнат. Правда, это было десять лет тому назад. Теперь квартиры подороже, но все-таки они дешевы.

Увы, и на этот счет вас ждет разочарование.

Наконец я, как человек, собирающийся в новые места не один, а в приятной компании нескольких «прелестных малюток», заинтересовался вопросом общественной безопасности, ибо вспомнил, что в газетах писали, будто в Томске грабежи часты, и слышал, что вообще там без револьвера по вечерам выходить на улицу небезопасно.

– Все это преувеличивают! – не без сердца возразил мой сибиряк.

– Однако и г. Ядринцев в своей книге Сибирь как колония

приводит не особенно утешительные сведения насчет Томска: пятьдесят восемь краж и убийств в три месяца, по официальным данным.

— Ну, может быть... не спорю... были такие три месяца, но вообще... ничего нет особенно страшного. В маленьких городках случается, правда, иногда, что жители находятся как бы в осаде от варнаков. Ну, а в больших городах, слава богу, и полиции больше и солдаты есть. Конечно, не без того, пошаливают, а вы хорошенько запирайтесь на запор по ночам да собак хороших заведите, не лишнее, разумеется, и револьвер на случай иметь. Береженого бог бережет, так оно и безопасно... А чуть ежели что... заберутся к вам, вы — бац из револьвера... Этих мерзавцев, варнаков, жалеть нечего! — утешал сибиряк.

Но радость моя была омрачена, когда, несколько дней спустя, пришлось случайно встретиться с другим «сведущим» человеком, совершившим на своем веку немало разъездов по разным окраинам России. Начиненный более или менее утешительными сведениями, я, под впечатлением «сибирских» рассказов, начал было передавать ему свои надежды, но увидел на лице его ироническую улыбку. Сперва он слушал молча, но наконец не выдержал и стал рассказывать про Сибирь, где он прослужил года три. Он был немолод. Этот новый «сведущий» человек не особенно радостно смотрел вообще на мир божий, а на сибирский край в особенности. И, слушая этого, несколько угрюмого скептика, мне при-

шло из рая, нарисованного милейшим сибиряком и любезным «рабом обстоятельств», перенестись, так сказать, прямо в самое жерло ада. Самые темные краски, казалось, были недостаточны, чтобы достойно заклеить эту «подлейшую» трущобу. И природа, и климат, и люди, и нравы – все это в его рассказах получало мрачную окраску. Он, впрочем, жил более в Восточной Сибири, Томска не знает, проезжал только, и о нем не мог сообщить ничего положительного, но, по аналогии, хорошего ожидать и от него нечего.

– Вы, верно, слышали от сибиряков, – продолжал он. – Это они вам так расписали... Они, в большинстве случаев, отчаянные патриоты своего отечества, «омулевые», так сказать... Нахваливают свое болото и даже своих великих людей создают... Самые образцовые между ними (хотя это и большая редкость) не свободны от такого китайского взгляда на вещи. Везде нынче, положим, не особенно сладко живет, везде дичь еще порядочная, но такой дикой, такой закоружлой страны, как Сибирь, я не видал.

– Однако вы уж чересчур мрачными красками разрисовали сибирскую жизнь, – возразил я, когда мой сведущий человек в достаточной степени напугал меня.

– Мрачными?.. А вот сами увидите, какова эта жизнь для человека, не способного с утра и до вечера душить водку. Главное, – продолжал он, – запасайтесь-ка терпением и персидским порошком; это необходимейшие вещи и в дороге и на месте... Да не забудьте купить здесь самые высокие кало-

ши, какие только найдете, а то, еще лучше, закажите, чтобы в сибирских городах ходить по улицам... Грязь везде такая, что потонуть можно! – заключил свои неутешительные напутствия этот бывалый скиталец по разным окраинам необъятного отечества.

Несколько сбитый с толку такими противоречивыми отзывами, я, однако, последовал совету «сведущего» человека пессимистического характера, запасся персидским порошком и высокими калошами, и в начале лета мы тронулись из Петербурга в дальние края.

Терпением запастись не приходилось. Этим похвальным качеством всякий русский человек наделен, слава богу, в достаточной мере, – в такой достаточной, что мог бы, не погрешая против истины, повторить чичиковские слова генералу Бетрищеву: «Терпением, можно сказать, повит и спеленат, будучи, так сказать, одно олицетворенное терпение, ваше превосходительство!»²⁰

²⁰ ...чичиковские слова генералу Бетрищеву: «Терпением, можно сказать, повит и спеленат, будучи, так сказать, одно олицетворенное терпение, ваше превосходительство!» – Неточная цитата из второй главы II тома «Мертвых душ». У Гоголя: «На терпенье, можно сказать, вырос, терпеньем воспоен, терпеньем спеленат, и сам, так сказать, не что другое, как одно терпенье».

II

По России, как известно, редко путешествуют, а чаще ездят, сожалея о пароходах на железной дороге и о железных дорогах на пароходе. Нечего и говорить, что эти длинные переезды особенно затруднительны, когда приходится ехать с детьми, не рассчитывая на отдельные купе в первом классе. Я этим не хочу чернить ни наших железных дорог, ни пароходов. Кто путешествовал по Европе, хорошо знает, что наши вагоны гораздо просторнее и удобнее, например, французских, австрийских и итальянских, в которых буржуазное скаредство отводит пассажиру как раз столько места, сколько необходимо человеку, чтобы он, не шевелясь и не протягивая ног, мог не задохнуться от тесноты.

Но при всех этих неудобствах путешествие по европейским железным дорогам не сопряжено с тем нервным напряжением, в каком вы постоянно находитесь на наших (особенно путешествуя с дамами и детьми), если заблаговременно не вступили в интимное соглашение с обер-кондуктором насчет «местечка» или не имеете возможности, в качестве особы, занимать целый вагон.

Там, в Европе, вы просто едете, а у нас вы, так сказать, совершаете нечто вроде военной экспедиции, сопряженной со всевозможным» случайностями и «историями», предвидеть которые так же трудно, как трудно не иметь их, хотя бы вы и

обладали воловьими нервами и русским терпением.

В каком бы классе вы ни ехали по Европе, вы чувствуете себя среди граждан, тонко понимающих значение общественности. Вам не придется воевать из-за места, так как каждый понимает, что нельзя человеку занимать два или три, когда у другого нет никакого, из-за открытых окон с обеих сторон, из-за курения в некурильных вагонах и т.п. Все это мелочи, но мелочи, отравляющие путешествие и характерно отмечающие культурную разницу между публикой, особенно по мере удаления из Петербурга.

Среди нашей, так называемой, культурной публики, в вагонах первого и второго классов, вы зачастую можете наблюдать и этот недостаток знания азбуки общественности: невнимание к интересам другого, желание во что бы то ни стало обойти самые элементарные правила общежития, захватить себе два, три места, войти в пререкания, лгать самым наглым образом, говоря, что места заняты, и еще посмеиваться, глядя, как какой-нибудь пассажир или какая-нибудь пассажирка, словно обезумевшие, носятся из вагона в вагон, вотще обращаясь к ближним с вопросами о свободном месте, пока наконец не явится обер-кондуктор и после обычного пререкания не водворит нового пришельца на месте, рядом с ворчащим и негодующим соседом.

Обычные вагонные сцены грубости нравов и отсутствия всякого чувства альтруизма среди большинства культурных путешественников разнообразятся еще зрелищем неожидан-

ных метаморфоз, мгновенно превращающих, точно на гуттаперчевой кукле, выражения этих непреклонных и геморроидальных лиц петербургских путешествующих чиновников или рыхлых, более добродушных физиономий провинциалов в выражение трогательного собачьего умиления и преданности, если вдруг среди пассажиров появится в вагоне какая-нибудь известная «особа» или, среди разговора, обнаружится как-нибудь инкогнито какого-нибудь известного лица. При таких случаях русский гражданин не умеет даже соблюсти постепенности перехода от непреклонности к умилению и, как бы опровергая теорию Дарвина, как-то мгновенно из человека превращается в собаку, да еще виноватую.

В вагонах третьего класса, среди серого пассажира, вы чувствуете себя как-то нравственно спокойнее, но продолжительное путешествие в третьем классе, особенно летом, когда вагоны набиты битком, требует некоторого мужества и привычки к тому специфическому запаху, который жаркою летнею ночью делает пребывание в душном вагоне несколько похожим на сиденье в помойной яме. Зато там, по крайней мере, вам не придется воевать из-за мест и ждать каких-нибудь историй с соседями. Там, напротив, чувство общности инстинктивно развито гораздо более, там всегда готовы потесниться, даже слишком потесниться, если у вас фуражка с кокардой, и боятся каких-нибудь историй с тою приниженной боязливостью серого человека, которая особенно ярко бросается в глаза в вагонах и на пароходах, и чем даль-

ше от столиц, тем больше, так сказать, нагляднее.

Он, этот «серый» пассажир, точно чувствует себя виноватым уже за то, что за свои деньги занимает место, и редко протестует, если ему прикажут «маленько потесниться»: вместо лавки, приткнуться как-нибудь в проходе или скорчиться на полу, и валяться на палубе в невозможной тесноте с кучей детей, которым грозит ежеминутная опасность быть придавленными в ночной темноте.

Этою безответностью, этим умением безропотно приспособиться к такому положению, которое любому иностранному крестьянину или рабочему показалось бы невозможным нарушением его права, пользуются, и широко пользуются, на железных дорогах и в особенности на волжских и сибирских пароходах. Вагоны и палубы зачастую набиваются живыми людьми, словно сельдями в бочках. Никто не находит возмутительной такую эксплуатацию. Никто из бесчисленного штата надзирающих не обращает внимания на такое нарушение права, хотя подобное скучивание людей и влечет за собой нередко болезни и смертность (особенно детей), как это и случается на сибирских пароходах, перевозящих переселенцев.

Если вы рискнете заметить о таком отношении к пассажиру, заплатившему деньги, какому-нибудь железнодорожному или пароходному начальству, то оно, разумеется, не только не обратит внимания на ваше замечание, но еще пренаивно выпучит глаза, спрашивая: «какое вам до этого дело?»

Такой именно вопрос и задал обер-кондуктор, когда на одной из станций между Петербургом и Москвой какой-то господин, скромно одетый, обратил внимание обер-кондуктора на то, что в двух вагонах третьего класса не хватает людям мест, что пассажиры сидят по трое на лавках, а некоторые принуждены стоять, и настойчиво просил дать им места.

— Да ведь пассажиры не жалуются.

— Но нельзя же так обращаться с людьми! — настаивал пассажир.

Слово за слово, и началась одна из обычных сцен, окончившаяся, впрочем, благодаря настойчивости протестанта и благоразумию травленного обер-кондуктора тем, что пустой задний вагон был открыт, и туда рассадили пассажиров, не имевших мест, преимущественно крестьян, возвращавшихся из Петербурга по деревням на полевые работы.

Что обер-кондуктор наивно удивился вмешательству постороннего человека, вступившегося за интересы людей, которые сами не протестовали в защиту их, в этом, конечно, нет ничего удивительного; но удивительнее было то, что среди кучки людей (и все из чистой публики), слушавшей это объяснение, никто не поддержал протестовавшего господина, и когда он обратился к стоявшим поблизости, как бы ища поддержки, то каждый отворачивался и уходил, выказывая отсутствие общественного чувства теми равнодушием и боязливою осторожностью вступить в защиту ближнего, которые так часто проявляются при разных публичных случаях

насилия и обиды слабого человека, несравненно более возмутительных, чем только что рассказанный.

Но любопытная черточка, и характерная черточка, присущая, как кажется, специально славянской натуре: многие из этих же самых людей, равнодушно отворачивавшихся, когда к ним обращались за поддержкой, по окончании этой «истории», возвратившись в вагон, хвалили вступившегося господина, находя образ действия его похвальным, громко брали железнодорожные порядки и менее громко прохаживались насчет порядков «вообще». Но, случись с этим самым господином какая-нибудь неприятность за его «похвальное» вмешательство, можно держать пари сто против одного, что ни один из этих сочувствующих не пошевелил бы пальцем. В этом самом обыкновенном дорожном происшествии, как в малой капле воды, отразились общий характер и склад русского культурного человека, объясняющие многие явления современной жизни. И чем далее вы удаляетесь из Петербурга, тем чаще приходится вам наблюдать подобные «истории», встречаясь с еще большим равнодушием и большою боязнью путаться не в свое «дело», но зато слушая иногда lamentации ²¹ случайных спутников, несравненно более экспансивные и менее осторожные, чем те, которые приходится слышать среди пассажиров Николаевской дороги ²², особен-

²¹ *Ламентации* – жалобы, сетования (лат.).

²² *Николаевская дорога* – строилась с 1837 по 1851 год. Ныне – Октябрьская железная дорога.

но среди петербуржцев, привыкших путешествовать с молчаливою сдержанностью и тою, чисто чиновничьей, брезгливостью в дорожных знакомствах, благодаря которым можно сразу отличить кровного петербуржца не по одному только бескровному лицу и кургузому пиджаку, обтянутым штанам и ботинкам с китайскими носками.

По мере удаления из Петербурга на восток увеличиваются в прямой пропорции и различные путевые неудобства и неожиданные приключения, и чувствуется все большая и большая потребность в терпении и персидском порошке. Путешествие принимает все более и более патриархальный характер, несколько напоминающий путешествие по девственным странам. Поезда движутся медленнее и опаздывают чаще; часы отхода и прибытия пароходов находятся в большей связи с вдохновением и с милостью господней, чем с печатным расписанием. Поездная прислуга теряет свой столичный вид, казарменную вежливость и расторопность, принимая все более и более облик «мальчика без штанов» и обдывая с меньшей опаской свои маленькие гешефтики. Пароходные капитаны, в большинстве случаев попадающие в моряки по воле судеб и неокончания нигде курса, имеют вид добрых малых, старающихся задобрить гостей-пассажиров (разумеется, классных).

Приноравливаясь к местным нравам, они всегда готовы «закусить и выпить» с тем или другим охотником-пассажиром, чтобы скоротать однообразие плавания, и не прочь в ча-

сы вдохновения устроить иногда импровизированную гонку с каким-нибудь пароходом другой компании, к ужасу всех трезвых пассажиров (ведут, собственно говоря, пароход лоцманы; на долю капитана выпадает, главным образом, представительство и выпивка). Все чаще и чаще мелькают на головах чиновничьи фуражки с кокардой, заменяя собой шляпы и котелки. Чем больше вы подвигаетесь, тем более убеждаетесь, что гоголевские персонажи еще не исчезли, и вам предстоит видеть всю их серию; но предпочтительно, однако, объявляются классические Держиморды ²³, иногда не стесняющиеся даже и в публике показывать при случае «господам земледельцам» свои подчас страшные длани.

Наблюдая в натуре то, о чем у вас давно составилось лишь теоретическое представление, вы начинаете сознавать не одним только умом, но и всем существом своим, что этот маленький «исполнитель», крошечное звено в общей бесконечной цепи, с таким пренебрежением третируемый в столицах, где он мелькает изредка в передних в образе скромнейшего, безответнейшего ничтожества, где-нибудь в глухом месте действительно может иногда играть роль какого-то «фатума», от которого иной раз обывателю становится несколько тесно жить на божьем свете. Побеседовав с таким джентльменом в дороге по душе (русский человек любит подобные беседы за закуской), вы скоро сообразите, что от его доброй

²³ ...классические Держиморды... – Держиморда – полицейский из комедии Гоголя «Ревизор».

воли, ума и сообразительности непосредственно иной раз зависят спокойствие и благополучие многих человеческих жизней, и вам станут понятны все эти однообразные «обывательские» рассказы и анекдоты, которыми обыкновенно коротаются долгие дни пароходного плавания, если не составилась винт ²⁴.

В ответ на ваше замечание (если вы сделаете таковое), что закон, слава богу, существует не только для столиц, но и для всей империи, и что права жаловаться, по крайней мере, не лишен никто, вы по большей части сперва услышите веселые замечания насчет «кукушки и ястреба» ²⁵ и затем резоны:

– Бесспорно, местное начальство сменит нерадивого подчиненного, если узнает, что он не оправдал доверия, но (без этих «но», как известно, у нас не кончается ни один разговор)... но, во-первых, «мужик» не всегда рискнет жаловаться, во-вторых, предположим, что пожаловался, и что жалобе дан ход – откуда, из какой Аркадии вы найдете другого «исполнителя», который бы «честно и благородно» исполнял свои начальственные функции? Обычный контингент – рассадник всех этих «мелких сошек», имеющих непосредственное отношение к мужику – представляет весьма ограниченный выбор (особенно в провинции), смущающий даже нередко самих выбирающих. Увы, и они жалуются в пу-

²⁴ *Винт* – карточная игра, в которой обычно участвуют четыре человека.

²⁵ ...услышите веселые замечания насчет «кукушки и ястреба»... – Имеется в виду русская поговорка «менять кукушку на ястреба».

стое пространство на недостаток людей, которые бы умели исполнить волю пославшего с чувством, с толком, с расстановкой и, получая в год шестьсот рублей, не старались бы проживать втрое.

Эти столь знакомые и надоевшие жалобы на недостаток людей увеличиваются к востоку с таким «crescendo», что вам начинает казаться, что чем дальше, тем реже будет попадаться «человек» и наконец, чего доброго, совсем исчезнет из обращения. Все будто сговорились. Везде, начиная со столиц и кончая захолустьями, теперь ищут «человека», ищут и, к удивлению, не всегда находят, словно бы и в самом деле он провалился куда-то в преисподнюю и не подает голоса, несмотря ни на какие призывы передовых статей, выкрикивающих: «объявись, человек!»

Было бы несправедливостью утверждать, что словоохотливый обыватель претендует лишь на недостаток одного какого-нибудь специального «вида» человека. При случае он не менее костит и своего избранника-земца и городского представителя, причем чаще всего жалуется не на учреждения, не на самый принцип, а на его применение. И сейчас же, в подтверждение, расскажет, как такой-то голова в таком-то захолустном городе «слопал» городскую землю, такой-то член «всучил» городу свой развалившийся дом, там «потревожили» банк и пр. и пр., – словом, повторит одну из тех бесчисленных историй, часть которых попадает на газетные столбцы в кратком извлечении: «украли», «разграби-

ли».

С изменением долготы изменяются и типы «купца», «купеческого сына» и героя новейшего времени — кулака, являясь все более и более в натуральном виде, без того столичного соуса, который придает им некоторый лоск и своеобразную повадку. Вы встретите больше «откровенности», большую примитивность в приемах и костюме. И грабят, и безобразничают, и пьянствуют, так сказать, нараспашку, еще не просветясь насчет «святости» капиталистического строя и не всегда вводя в обиход разговора «жалких» слов об «основах» и т.п., а просто «рвут», где можно, и делу конец. «Пассажир» вообще встречается все более и более невзыскательный, покладистый и любопытный, первым делом осведомляющийся: «кто вы такие будете?» и расспрашивающий о Петербурге с некоторым чувством страха и благоговения, что однако не мешает питать к нему и долю недоброжелательства за то, что он слишком много сочиняет бумаг, а не знает совсем провинции и относится к ней свысока. И «дама» попадает не та, какую вы видели до Москвы и первое время за Москвой. Общий вид другой. Лица более рыхлые, румяные, сонные и «уравновешенные». Знакомый вам «нервный» тип русской интеллигентной женщины, к которому привык глаз в Петербурге, в дороге попадает все реже и реже, заменяясь пестрыми костюмами и разбитными, с претензиями на светскость, манерами провинциальных «чиновниц», цивилизованных купеческих дочек, или ветхозаветными платка-

ми молчаливых и степенных купчих «старого обычая», выскочивших как будто на палубу парохода прямо из пьес Островского. Дамские беседы все более и более принимают характер допроса, сплетни и кулинарных откровений, так что, проведя час-другой в разговоре с одной из таких дам, вы не только будете основательно допрошены о ваших родных до четвертого колена, но, в свою очередь, будете посвящены в «подноготную» родного «гнезда» рассказчицы и научитесь готовить соления и маринады из разных ягод, обилием которых в Сибири вас утешает прекрасный пол. «Урядник» встречается более чумазый и юркости в нем как будто меньше, а «полицейский» на пристанях и совсем с виду богом обиженный. Пассажир-мужик теряет тот столичный, ернический вид, который замечен в возвращающихся домой питерцах, и за Москвой «сереет». С Нижнего ²⁶ вы уже встречаетесь с массой переселенцев, направляющихся из разных концов России на привольные земли места далекого края, а из Тюмени плывете, имея на буксире арестантскую баржу, в которой скучена партия человек в семьсот будущих невольных жителей отдаленных и не столь отдаленных мест Сибири, плывущих на каторгу, поселение или в административную ссылку.

«Варнак», как называют ссыльных сибиряки, не оставляет уже вас ни на минуту, как только вы перевалили Урал. О нем говорят ямщики, его презирают и боятся, им наполне-

²⁶ *Нижний* – прежнее (до 1932 г.) название г. Горького.

ны уголовные летописи сибирских газет, вы его видите пробирающимся около большого тракта. И вы невольно запасетесь револьвером где-нибудь в попутном городе, если только не запаслись им раньше. Но только едва ли придется им воспользоваться. Не так страшен «варнак», как о нем говорят и как впоследствии узнает читатель из дальнейших очерков путешествия.

III

Более или менее основательное знакомство с пыткой езды по убийственным мостовым, нечистоплотностью гостиниц и железнодорожных станций, не особенно приятно ласкающими обоняние ароматами грязных улиц (так называемый путешественниками-иностранцами «русский дух»), и вообще с теми патриархальными картинками нравов и порядков, которые придают известный «*couleur local*»²⁷ отечественной самобытности, начинается уже с самого «сердца России».

Голова ее – Петербург – недаром «тонкая штучка» в глазах провинции. Он более ловок и хитер, к тому же и более на виду у Европы, перед которой, что там ни говори «патриоты своего отечества», а все же нет-нет да и станет вдруг совестно. И он умеет под наружным лоском чистоты и порядка скрыть от глаз свои недочеты и санитарные непристойности и показать товар лицом, встречая путешественника красивыми вокзалами, Невским проспектом и электрическим освещением, сравнительно чистыми гостиницами и молодеватыми блюстителями порядка, так что, по сравнению с другими русскими городами, он кажется как будто и опрятным.

Матушка Москва откровеннее. Она и с казовых своих сто-

²⁷ «местный колорит» (*франц.*)

рон, обыкновенно кидającychся в глаза приезжему, не блещет чистотой, а принимает вас, так сказать, в халате, словно бы говоря: «Вот тут я вся. Любите меня такою, какова есть, со всею моею грязью и вонью!» И первый «вестник» цивилизации, являющийся встречать русского пассажира, уже не «тот», «дрессированный» и вылощенный, что в Петербурге. И костюм на нем сидит как-то более «по-штатски», и мундирчик грязнее, и сам он не имеет петербургской внушительности и проницательности. Он добродушнее с виду, проще как-то наблюдает за порядком и не так назойливо лезет в глаза. Извозчикам, с жестянками набрасывающимся на пассажиров, точно стая собак, готовая разорвать в клочки, он внушает менее страха и обходится пяточком дешевле, хотя и водворяет между ними порядок теми же упрощенными домашними способами, что и петербургские его коллеги, т.е. поминанием родственников и, в случае безуспешности этого средства, битьем шашками плашмя по всем частям тела улепетывающего извозчика, но предпочтительно однако по «загровку».

Эти первые жанровые картинки, встречаемые путешественником, лишь только он приедет в русский город, где водится много извозчиков, отличаются от таковых же в Петербурге, разумеется, большею нестесняемостью и меньшею раздражительностью на нарушителей порядка со стороны его наглядных пропагандистов. На петербургских вокзалах и других местах скопления извозчиков «фараон», наметив

чересчур строптивного нарушителя, старается вразумить его без большого скандала, не устраивая публичного зрелища, а по возможности незаметно и озираясь по сторонам, нет ли поблизости начальства, рекомендуемого вежливое обхождение, и при этом пользуется, натурально, краткостью момента с возможно большею затратой энергии внушения, а в Москве и далее – ругань и «лупцовка» господ извозчиков отправляется с меньшим стеснением, но зато и с меньшим остервенением и как бы более для соблюдения служебного престижа и порядка «an und fur sich» ²⁸, чтобы в самом деле не подумали, что в провинции ни за чем не смотрят. Зато у московских вокзалов вы услышите самый изысканный подбор и неистощимые вариации крепких слов, а нередко зрелища более продолжительных битв. Никто, разумеется, не удивляется. Всякий привык к этим сценам «самоуправления» и только норовит скорее убраться из-под оглушительного града непечатных слов.

Когда, на другой день после суток отдыха в «первопрестольной», экипаж из номеров Ечкина ²⁹, несколько смело названный артельщиком каретой, подвез нас, после часовой «встряски» по всей Москве, к вокзалу Нижегородской железной дороги ³⁰ и мы вошли в вокзал, то московское дезаби-

²⁸ «само по себе» (нем.)

²⁹ ...из номеров Ечкина... – меблированные комнаты Ечкина (бывшие Ломакина) находились на Трубной площади в Москве.

³⁰ ...вокзал Нижегородской железной дороги... – ныне Курский вокзал в

лье выказалось во всей своей непривлекательной наготе.

В небольшом пространстве, где расположены кассы и принимается багаж, была теснота и грязь; стоял душливый, спертый воздух. Мужики дожидались, кто сидя на полу, кто теснясь у стен, а целые кучки и вне станции. В пассажирской зале, где дожидался пассажир почище, давка была тоже порядочная.

Пассажиры сидели чуть ли не один на другом. На столах — пыль и грязь; скатерти несомнительной нечистоты, прислуга, хотя и во фраках, но, в видах эстетического чувства, было бы лучше не видать этих фраков, чтобы не иметь наглядного понятия о количестве содержимого в них и на них сала.

Оказалось, что этот тесный вокзал вдобавок еще ремонтируется (и, по обыкновению, ремонтируется в самый разгар пассажирского движения), и потому «несколько как будто и тесновато», по словам сторожа. Таким образом «пассажиру» остается изнывать в духоте и грязи в ожидании отправления. И он, этот собирательный «пассажир», изнывает с тем мрачным, молчаливым видом, с каким вообще изнывает трезвая русская публика во всех публичных местах, не претендуя ни на кого, кроме лакеев, и как будто не замечая, что с ним, с пассажиром, обходятся совсем по-свински, словно бы привычка к подобному обхождению обратилась у него во вторую натуру.

Разумеется, все эти дорожные беспорядки, вся эта станци-

онная грязь – мелочи не только в сравнении с вечностью, но и в сравнении с другими, менее отвлеченными представлениями, но дело в том, что подобные «мелочи», находящиеся под носом и на которые со стороны мало обращают внимания, нередко отравляют не одно только путешествие, но и жизнь вообще. И отношение к этим «мелочам», с другой стороны, именно оттеняет отличительные стороны нашего характера и склада. Ведь совокупность всех этих мелочей и составляет обычную будничную жизнь русского человека.

Билеты взяты. Надо сдавать багаж. Но это, по-видимому, пустячное дело вовсе не так просто, как кажется с первого взгляда. По крайней мере я стоял минут с десять, вотще ожидая очереди, хотя она давно наступила, пока ко мне не подошел привезший нас артельщик из номеров Ечкина, бойкий, расторопный ярославец, не сделал мне нескольких таинственных знаков, подмигивая при этом плутоватым взглядом, и не сообщил конфиденциально, что нужно дать на чаек одному «человечку». Я, разумеется, не только обещал «на чаек», но и поручил бойкому артельщику, хорошо знакомому с местными порядками, дальнейшие хлопоты по сдаче багажа (так как все сторожа уже были обременены подобными же комиссиями), и минуты через две после интимного шептания артельщика с «человечком» из багажного отделения вещи мои, давно находившиеся на очереди, – не соблюдаемой, конечно, – были взвешены.

– Полностью хотите платить? – опять шепнул мой чиче-

роне деловым тоном.

– А то как же? – удивляюсь я.

– Можно за половину-с... ежели рублик дать. Очень просто-с... Многие так делают.

– Нет, нет! – запротестовал я.

Таинственный обмен взглядов. Выкрикивается настоящий вес и выкрикивающий взглядывает на меня, как на болвана, зря бросающего деньги. Я уплачиваю деньги за багаж, «мзду» за хлопоты и на чаек за то, что «места тяжелые», и удаляюсь в пассажирскую залу отыскивать своих спутников.

Минут через пять тот же самый артельщик подходит ко мне и снова таинственно подмигивает, словно бы предлагая принять участие в какой-то новой конспирации.

– В чем дело?

Он на ухо шепчет насчет «местечка».

– Очень даже много сегодня пассажиров. Как бы не затеснили! А вы с детьми! – поясняет он все тем же конфиденциальным тоном. – Надо-с исхлопотать... Я могу, если угодно.

– Как же исхлопотать?

– А как другие-прочие... Теперь, ежели дать, примерно, двугривенный сторожу у дверей, он пропустит на «платформу», а там уж надо обладать с «обером»... На этом поезде «загребистый» обер едет.

Такие же интимные беседы идут в зале и у других пассажиров с носильщиками. Вы видите, как тихонько выносят они вещи и как минут за пятнадцать до первого звонка, ко-

гда еще двери на платформу считаются запертыми и публику туда официально не пускают, пассажирская зала понемногу пустеет, и «пассажир», более знакомый с местными обычаями, один за другим исчезает, пробираясь с видом конспиратора разными окольными путями на платформу, в сопровождении станционного проводника. Иногда проходят прямо и в дверь. Сторож, добродушный «мальчик без штанов», лет под шестьдесят, оберегающий двери от публики, обменявшись таинственным знаком с проводником, как-то быстро и ловко приотворяет двери, в которые на глазах у публики прошмыгивает счастливец, и снова так же быстро и ловко запирает их, утешая недовольных из публики объяснением, что он пропустил «генерала», или заверяя, что «это наш служащий», и кстати, по русскому обыкновению, жалуясь на тяжесть своей обязанности сторожить двери, в которые всякому лестно шмыгнуть.

Мой опытный чичероне, удивленный отказом следовать за ним, все-таки убедил меня отдать ему несколько сакво-яжей и исчез, обещая «исхлопотать» места. Когда раздался первый звонок и пассажиры хлынули на платформу, толпясь в одних дверях, я пробрался вперед и, не рассчитывая на успех ярославца, пошел отыскивать места. Увы! Все вагоны второго класса уже были полны если не людьми, то вещами, и напрасно я носился из вагона в вагон, отыскивая места. Но благодетель-ярославец выручил. Он встретил меня, смущенного, и, объяснив, что давно занял места, с победоносным

видом провел меня в отдельное некурильное отделение.

– Пожалуйте... как раз шесть мест... насилу исхлопотал... Спасибо оберу. Пустил! – докладывал он все тем же конфиденциальным шепотом.

Тут как-то кстати появляется и сам «обер». Он совсем не столичного вида толстенький, сытый, старенький «обер», в потертом сюртуке и белой фуражке. Он приветливо улыбается с видом радушного хозяина. На круглом выбритом лице его так и сквозят добродушие и плутоватость, того и другого в достаточном количестве, когда он оглядывает меня быстрым взглядом опытного знатока людей и их имущества.

– До Нижнего изволите ехать? – осведомляется он, переглянувшись с чичероне, словно бы спрашивая: тот ли я пассажир, о котором хлопотал ярославец?

– До Нижнего.

– Вам тут будет поспокойнее с семейством в некурильном... Чуть было и его не заняли, да я не пустил! – значительно говорил он, потупляя маленькие глазки, вроде старого «юса» из управы благочиния.³¹

И затем продолжает не без соболезнавания:

– Жаль, раньше не предупредили, я бы вам устроил попросторнее отделеньице. Было одно свободное, да я туда поместил одного господина с женой. Им и здесь бы хорошо. А вот рядом так одна генеральша целое отделение заняла.

³¹ ...вроде старого «юса» из управы благочиния. – Юс – приказный, подьячий, законник.

Начальник станции посадил, – с неудовольствием прибавляет «обер» и уходит, не без галантности приложив два своих жирных пальца к козырьку фуражки.

Мы размещаемся и благодарим судьбу в образе артельщика и за эти места, а словоохотливый ярославец, помогая запихивать чемоданы, не без зависти в голосе продолжает рассказывать о доходах «обера».

– Вы, господин, ему больше рубля не давайте, потому у вас сколько билетов, столько и мест. Правильно, не то что как ежели с двумя билетами да этак с дюжину детей едет. А сакчик куда прикажете? Ему самое лучшее в ноги-с! – хлопотал наш чичероне, обливаясь потом. – Теперь вот он верных полсотни в один конец слизнет.

– Как так?

– Потому здесь не порядки-с, а, можно сказать, много фальши! – возмутился вдруг ярославец, встряхивая головой. – Многие пассажиры без билетов ездят. Два рубля оберу дал и... очень просто-с. Недаром домик купил... Пять тысяч выложил. Очень доходная должность!

Наконец мы распихали вещи по местам, кое-как разместились и распрощались с нашим гением-хранителем. Вскоре поезд двинулся. На первой станции у открытого окна нашего вагона появилась пожилая, претенциозно одетая дама – генеральша-помещица, едущая на лето в свое имение, как поспешила она оповестить меня, восторгаясь моими детками, посылая им воздушные поцелуи и стараясь придать свое-

му, заплывшему жирком, лицу то игриво-умильное выражение, которым обыкновенно стараются (и напрасно) тронуть детей.

Поддействовав на мои родительские чувства, генеральша считает себя вправе дать большую волю приливу праздного любопытства, т.е. спросить: далеко ли я еду, куда именно и зачем еду, и принялась жаловаться на этот «невозможный курс», помешавший ей ехать за границу, прибавляя к этому, уже по-французски и с серьезным видом, что «вообще нынче как-то все идет не так, как бы следовало». Ее дочь живет в Гиере³². Генеральша провела прошлую зиму у нее в Гиере. Какое прелестное место Гиер! И как недорого относительно можно устроиться в Гиере! Бывал ли я в Гиере? Она зимой опять поедет в Гиер... А муж ее служит в Москве, но теперь по делам службы в Петербурге. Старший сын в гвардии, а второй...

Свисток мешает дальнейшей ее болтовне, но на следующей станции, когда я выхожу покурить, она досказывает, что второй сын – товарищ прокурора и «хорошо идет», но что «бедному мальчику» слишком много работы со всеми этими... «нынешними делами».

И генеральша вздыхает, не то от жары, не то от сожаления к «бедному мальчику», не то от сокрушения из-за «нынешних дел» и имеет, по-видимому, твердое намерение сделать из меня тоже бедного страдальца, который бы выслушивал ее

³² *Гиер (Иер)* – город во Франции на побережье Средиземного моря.

болтовню, подавая по временам реплики. Но так как я затем ловко избегаю попадаться ей на глаза, избрав другое место для курения, а наши «прелестные детки» тоже остерегаются высовываться из окна во время остановок на бесчисленных маленьких станциях и полустанциях, чтобы не видеть ее умильного выражения и не слышать трогательного сюсюканья, то изнывающая от жары и скуки генеральша во время остановок донимает кондуктора вопросами: когда следующая станция, и отчего нет сельтерской воды?

Наконец и Петушки. Поезд стоит двадцать минут.

Проголодавшаяся публика бросилась из вагонов в буфет, наводнила сразу маленькую комнату пассажирской залы и набросилась на яства. За небольшим столом немногие успевают занять себе место. Пассажиров много, а помещения на вокзалах Нижегородской дороги крошечные, словно бы строители не рассчитывали на пассажиров. Мест не хватает. Теснота и шум. Всякий норовит пробраться к расставленным посредине стола яствам, в надежде раздобыть себе съестного, теснясь и толкая друг друга. Лица принимают какие-то злые выражения голодных животных. Повар в чистом колпаке, но грязной куртке, едва успевает отпускать кушанья и резать осетрину, накладывая и пришлепывая куски ее грязными руками, нимало не стесняясь возбудить брезгливость и точно сознавая, что всякие церемонии излишни. Два лакея, обливаясь потом и соусом с тарелок и придерживая на ходу куски на тарелках мокрыми пальцами в нитяных пер-

чатках, мечутся, как угорелые кошки, то сюда, то туда, не зная, на чей крик броситься, и не имея никакой физической возможности удовлетворить требованиям всех сидящих за столом. Они совсем ошалели, что помогает им обсчитывать и делать внезапно такие же невинно-удивленные лица, какие делают плохие актрисы в ролях *ingenue* ³³

³³ простушка (*франц.*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.